

Александр Любинский
НАД ЧЕРЕТИЦЕЙ КРЫШ

ИЗ «ПЕСНИ ПЕСНЕЙ»

1.

О как ты прекрасна,
сестра моя,
золотые локоны твои,
рыжие волосы,
патлы
цвета пустыни.
О как ты прекрасна,
сестра моя,
глаз твоих – сердолик,
твоих губ – кровь.
Ты,
змеёй под рукой
скользящая,
ты,
расщелина рыжая,
пересохшее лоно!
О как ты прекрасна,
сестра моя!
Но
сердца утекают
сквозь пальцы,
и вот –
рыжеголовый
топчет, как пламя,
солому рыжей
головой,
мечется
по площадям
белого дня.
О как ты прекрасна,
сестра моя,
когда одна
пересыпаешь песок,
струится сквозь
прозрачные
пальцы...

2.

Переулоч кривой,
ветер, луна.
Скатерть –
в красных пятнах вина.
Посиди со мной ночь,
с улыбкой
на красных губах,
с кривым ятаганом,
звездой,
запутавшейся
в волосах.
Посиди со мной, ночь,
с дымком табака,
кофе горчайшим,
что пьёшь,
не гадая на гуще
лет.
А горы – всё ближе,
всё дальше
в горы уходит
свет.
И вот уже тени наши
кружат,
как мошкара.
Пора уходить,
ночь
гасить
до
утра.

3.

Ты на красишь ресницы,
глаза подведёшь,
на свиданье придёшь,
меня не заметишь.
Помолчишь,
губы детские чуть приоткрыв.
Слову ветра – ответишь.
В этой
маленькой
клетке грудной
птице пойманной
с клёкотом биться.

Перестань,
ты сейчас – не со мной:
это долгая, долгая ночь
всё не кончится,
снится.
Отдохни
на развилке дорог,
там, где Яффо встречает
река
другая,
где
скользят над тобой,
перекрещиваясь наискосок,
тени ада
и тени рая.

МОШАВА ГЕРМАНИТ

1.

Где-то
сонник другой –
свет
за тяжкой дверью дубовой,
серый день – пеленой
в ожиданьи жизни
новой,
что,
не спросясь,
вломится в дверь,
смертью пахнёт,
дымком катастрофы.
Как ты смог уцелеть
после стольких потерь,
с руки клевать
теперь
крохи-строфы?

2.

В горах,
где, кажется,
от слёз
земля всё суше,
а кущи
расселись по кустам,

арба,
верней, обоз, составленный из дней,
что суше и чернее
глаз моих,
оплакивающих
сей
участок суши,
всё тянется за холм,
его не огибая,
а жизнь
другая –
усталая, сердитая, слепая –
лишь тычется в порог,
и ключ суёт в замок,
и тростью бьёт в порог,
его не преступая.
Прости, прости,
меня ведь дома нет,
как, впрочем,
и тебя,
бредущего вослед
арбе до
ныне.
Твоя слеза лишь выжжет
след
в зрачках пустыни.

3.

Пила, пила,
вознесшая стропила,
что пела ты,
что говорила
в той суматохе дней,
когда
вытягивала вверх года
коническая сила?
К ней,
восставшей
из
камней,
я губы запрокину.
Над черепицей крыш
разбрасывает
тишь
сухую
глину.

ТРАСТЕВЕРЕ¹

За столиком, в узорчатой тени
стихи читает,
между тем как нож
серебряный
взрезает мякоть плода.
Что ж,
дарована ему свобода
за столиком, в узорчатой тени,
и Тибр древний,
что ему сродни,
медлительный, стремится уже
иное время года,
и взгляд скользит по лезвию
строки,
и солнца луч почти отвесный
раскачивает воздух бестелесный,
и в такт
сомнения
легки.

* * *

Уехать навсегда из города чужого.
Он был твоим и превратился снова
в кружащийся волчок, полдневный жар и звон,
мельканье пёстрых толп, вдруг – с четырёх сторон –
наплыв грозы, и сумрачна ограда.
Сквозь запах тополей – вечерняя прохлада
проулков каменных, и влажная скамья.
В том городе когда-то не жил я.

Уехать навсегда из города чужого,
где пыльных улиц визг и где чужое слово
взрывается в мозгу, как залпов дальний гром,
где ты и я куда глаза бредём,
встречаемся – и расстаёмся снова.
Так повторю историю Иова
под чуждым небом, в городе чужом.

Уехать навсегда из города родного,
и Карлов мост мне не увидеть снова,
и площадь гулкую во сне не пересечь,
и не понять родную речь.

¹ Квартал в Риме.

Но тенью маревной, бродящей по земле,
в кургузом пиджаке, с печалью на челе
во Влтавы водах отразиться,
и не кончается страница...
Вот над водой взметнулась птица,
а город – гаснет в полумгле.

ВОРДСВОРТУ

Ни вереска, ни озера вдали,
Ни влажных туч, разлегшихся над кручей.
На длани Бога – горсть сухой земли,
Да веет из пустыни жар летучий.
Но твой мотив, как песня пастуха
Бессонная, спешит навстречу.
На длани Бога – ночь глуха.
Лишь смутным эхом я тебе отвечу.
И кажется, почти не отличить
Напев – от ропота его отсрочки.
А между тем суровая мелькает нить,
Как бересту, сшивает строчки.

* * *

Луна взошла над пролежнями гор,
и в смятую постель больного
сметает свет последний жар и сор,
и взгляд парит, и застывает слово
под этим взглядом. Но глаза в глаза –
в их желтизну смотреть не перестану,
пока устало не сверкнёт слеза
и праздным камнем в ночи кану.
А блеклый свет умерших душ
тебя сопровождает обратно,
где, омываясь в слёзах луж,
ты этот холод не поймёшь
превратно.